

Некоторые вопросы культуры речи и аспекты функциональной стилистики

Кудреватых И.П.

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

Речевая ситуация, сложившаяся в нашем обществе на рубеже веков, заставляет по-новому взглянуть на проблему функционирования языка. С конца 80-х гг. прошлого столетия русский язык меняется настолько быстро, что в обществе возникают панические настроения. Все чаще говорят не только о порче, но и о гибели русского языка. Особенно болезненными оказываются такие темы, как язык Интернета, распространение брани, злоупотребление заимствованиями, жаргонизмами и просторечием. Прозрачность границ между устным и письменным общением, снижение и нивелировка стилей, определяющих ситуацию общения, обязывает искать пути преодоления той тотальной безграмотности, которая разделила общество на две группы: с одной стороны оказались люди, ответственные за слова, с другой – люди, с радостью переставшие задумываться о форме выражения своих мыслей.

На одном из заседаний председатель русского общества по защите русского языка Миронов сказал: «По данным опросов, на чистом русском языке говорят 5 % населения, 61% использует ненормативную лексику, 20% говорят на блатном языке, 28 % – на так называемом компьютерном. А ведь общество, которое так коверкает язык, это общество больное. Каков язык, такова и жизнь». А писатель Валентин Курбатов отметил: «Из языка уходят воля и сила, он живет небом и полем... Французы берегут свой язык, потому что помнят слова своего классика Альфонса Доде: «Пока народ, даже если он в рабстве, владеет своим языком, он владеет ключом от своей темницы». А мы сами свой ключ сдаем»¹. Поэт Лев Ошанин в лирической миниатюре, обыграв типичную речевую ошибку, передал те эмоциональные ощущения, которые возникают при т. н. коммуникативных «сбоях»: *Я номер набрал / И ошибся звонком – // Голос женский совсем незнаком. // Но так глубокий, необычен, личен – // Казалось, всю жизнь мечтал о таком. // Он тих, но вот-вот зазвучит, / Только троньте... // И вдруг я слышу: «Куда вы звоните!?» // И сразу, как будто град в окно, / Как будто меня обокрали в кино. // – Ах, девушка, извините. / – Не звоните, а звоните! // – А она в ответ: «Не все ли равно». // Ей все равно. // Ушла. // Откололась. // А мне теперь забывать ее голос.* Современная речевая ситуация осложняется тем, что средоточием норм все больше становятся средства массовой информации, завоевывающие читателя и насаждающие свой языковой вкус. Кроме того, появление большого количества словарей, подтверждающих шквальное разрастание вари-

¹ Как сохранить русский язык? // Новости на телеканале «Культура». – 2010. – Сент.

антных форм, ранее считавшихся показателем разговорного стиля, – свидетельство отсутствия желаемого языкового единообразия.

Язык современных СМИ отражает богатство и одновременно всю сложность коммуникативной культуры начала XXI ст. Современную журналистику захлестывает разговорно-просторечная стихия, кажущаяся по сравнению с нормированным языком более выразительной, более экспрессивной. Однако свобода слова – явление социально значимое, и, как оказалось, не каждому человеку она под силу. Говорящий подчас не задумывается не только над формой выражения своих мыслей, но и над их смысловым объемом. Например, герой художественного фильма говорит *держат нос на ветру* вм. *по ветру*, *цедит сквозь рот* вм. *сквозь зубы*, в песне поется *Девочка едет в столицу, девочка едет жениться*. А какое пустословие сопровождает речь большинства наших сограждан: *на самом деле, типа, такая/такой, как бы* и мн. др. свидетельствует о том, что только незначительная часть высказывания информативна. Изменения речевой ситуации с конца прошлого столетия по силе своего воздействия на общество подобны революции. Поэтому извечные русские вопросы «кто виноват?» и «что делать?» вполне закономерны сегодня и не могут не волновать людей, которые небезразличны к состоянию современного русского языка.

Профессор Д.Э. Розенталь, критикуя многословие, употребил интересный термин «ляпалиссиада», образованный от имени французского маркиза Ля Палиса, погибшего в бою в 1575 г. Солдаты, выражая скорбь, сочинили песню, в которой была фраза: «Наш командир еще за 25 минут до своей смерти был жив». Подобные «ляпалиссиады» сегодня в изобилии. Помимо слов-паразитов, к ним можно отнести тавтологию и плеоназм: *монументальный памятник, контактный телефон, трудоемкий труд, ступни ног, памятные сувениры* и мн. др. А формы *в двухтысячадесятом году, в трехсот километрах* и пол., звучащие с экрана телевизора, стали частотными. В 2009 г. вышла книга Максима Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва», в которой автор в увлекательной форме выражает свою реакцию на происходящее.

Нормативный аспект культуры речи – один из важнейших, но не единственный. Не менее важным является и этический аспект. После распада Советского Союза образовалась лакуна в употреблении формулы обращения. Еще 30 лет назад мы все были *товарищами*, в известных ситуациях – *гражданами*. Сегодня мы *мужчина* и *женщина*. Почему в обществе, имеющем богатые традиции и многовековую культуру, все больше наблюдается пренебрежительное отношение к языку. К. Паустовский однажды заметил: «По отношению каждого человека к своему языку можно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности». Нежелание задумываться о воздействующей силе слова приводит иногда к резкому снижению интереса к собеседнику, т.к. по словам одного ратора, «мы слушаем не речь, а человека, который ее говорит». Словесный нигилизм устойчиво про-

тивоедействует распространению нормированного слова – точного и выразительного, емкого и уместного одновременно. Как исправить сложившуюся ситуацию – заставить говорящего по-новому взглянуть на язык и оценить его как национальное достояние? Народная мудрость гласит: «Есть только один путь ... – научить его любить свой язык». И в этом плане художественная литература обладает неоспоримым приоритетом. Искусство слова, к которому еще до 90-х гг. XX ст. так безразлично относилось наше общество, восхищаясь языком И. Бунина, Ю. Нагибина, Д. Гранина, Ю. Бондарева и др., утратило сегодня свои ценностные характеристики, противопоставив «великому и могучему» небрежное городское просторечие.

Художественное произведение, являющееся средством социальной коммуникации и потому имеющее социальную значимость как инструмент воспитания уважения и любви к родному слову, создается для того, чтобы его читали, а главное – понимали. Вспомним у В. Маяковского: «Я хочу быть понят своей страной...». Понимание художественного текста всегда было связано с его основной функцией – эстетической как проявлением образности, т. е. способности языковой единицы приобретать новые смыслы в процессе художественной коммуникации. Это обстоятельство позволило Ю.М. Лотману назвать художественную литературу «самым экономным и компактным способом хранения и передачи информации» [6, с. 33], а М.Е. Салтыкову-Щедрину – «сокращенной вселенной».

Художественный текст отличается своими правилами словоупотребления, своей грамматикой, в результате складывается особая социальная данность. Интерпретация художественного произведения, связанная с синтаксическим значением языковых форм и конструкций, с их бесконечной вариативностью и изменчивостью, способствует богатейшим читательским ассоциациям, подтверждая мысль Ю.М. Лотмана о том, что чем больше интерпретаций текста, тем текст ценнее. Язык непредсказуем. Как только он становится таковым, он теряет свое основное свойство – быть средством коммуникации, поскольку способен не только отражать состояние общества, но и воздействовать на общественную ситуацию. Художественная литература, которой, по словам Г.О. Винокура, свойственна «неизбежная образность каждого слова», должна оставаться скорее воздействующей, чем констатирующей.

В конце 80-х гг. прошлого столетия стали говорить о кризисе стилистики, связывая это с тем, что под влиянием американской лингвистики многие стилистические проблемы как бы поглотились риторикой. Наверное, это утверждение правомерно по отношению к стилистике ресурсов, или аналитической стилистике. Однако стиль сам по себе – явление вечное. В плане антропоцентрической парадигмы функциональная стилистика позволяет по-новому взглянуть на язык как на средство воздействия, или на язык в человеке и человека в языке. Именно язык художественных произведений как разновидность функциональной стилистики призван демонстрировать стилисти-

ческое богатство литературного языка, степень, глубину, многообразие его функциональных возможностей. В качестве аргументации мы приведем примеры словоупотребления из произведений В. Токаревой, Т. Толстой и А. Платонова.

Язык В. Токаревой – это язык, отражающий социальные контрасты нашей жизни второй половины XX ст.: одиночество и непонимание, с одной стороны, и предельный рационализм – с другой. Отсюда – структурный лаконизм, выраженный 1) короткими предложениями парцеллированного типа, в результате чего возникает эффект «задыхающегося» языка; 2) контаминирование в одном предложении прямых и переносных значений, что создает впечатление «серьезной шутливости», окрашенной, как правило, ироническими оттенками; 3) полистилизм как маркер целесообразной разговорности, например: *Второе чувство – это полная мешанина в голове. Мои мозги перемешали большой ложкой. Или маленькой. Не важно. В груди прочно застряла шаровая молния, и я плавлюсь в собственных страданиях* («Звезда в тумане»); *Он потрянул головой и бросил свое лицо в ее сторону; Голое платье мстило, как умело* («Длинный день») и др. Лексико-грамматические средства в текстовых условиях приобретают различные синтаксические значения и устанавливают ассоциативную множественность смыслов, не снимая тем самым семантической неопределенности слова. Эту особенность многозначного слова и, можно добавить, грамматической формы, подчеркивал И.Р. Гальперин, указывая, что она позволяет лучше представить себе многогранность возможной информации, содержащейся в слове [4]. Более того, многозначность, или семантическая неопределенность, лексико-грамматической структуры «не является помехой для интерпретации – наоборот, такой прием в стилистике осмысливается как эффективное средство для выражения сложных чувств, отношений субъекта к действительности» [2, с. 304]. Функциональная нагруженность способа преобразования слова за счет столкновения значений рождает индивидуально-авторские метафоры: *«Не могу, – сказала она себе в зеркало. – Не могу, не могу, не могу...». Потом отпустила свои губы и щеки от страдания, разгладила лоб. Жестко сказала: «Могу». И в зеркале выступило ее обычное лицо – умное и значительное, со следами явной красоты и опытом долгих раздражений* («Коррида»).

Или возьмем лирические эссе Т. Толстой: это зарисовки событий, нашедших отражение в исторической судьбе родины, в искусстве и в личной жизни писателя. Повествовательная система текстов как особое коммуникативное пространство, или особый дискурс, отмеченный экспрессией, предполагает определенную структуру лексико-грамматических средств и подтверждает характеристику языка Т. Толстой, данную ей Н. Фатеевой [8]: проза Т. Толстой – это тип прозы интеллектуальной, которая проявляется в 1) жанрово-композиционных особенностях рассказов, 2) временной перспективе, 3) авторской концептуализации.

Изобразительный синтаксис Т. Толстой – однородный ряд дизъюнктивных понятий, эллипсис как отражение разговорности, синтаксический параллелизм, полистилизм, вставные конструкции, отсутствие абзацного членения в пределах большого отрезка текста как проявление динамизма речи и мн. др. – рождает определенный речевой смысл: *руку протяни, обернись – рай достигим, самое простое, правильное, детское и честное в нас* («Вкус ворованных яблок»). Экспрессия лексико-синтаксических форм достигает большого эмоционального напряжения. Но именно настоящее постоянное как особое коммуникативное пространство приобретает острую психологическую значимость и глубокий подтекст – пока человек не научится мыслить, пока его будут прельщать даровыми благами (*за утюгом, за миксером, за кофемолкой спускаются семьи с гор, из заснеженных аулов., итурмуют поезда... В Москву!.. к колесу! Там их оплюют, обхают, зато им достанется целый телевизор!* («Человек!.. Выведи меня отсюда»), он есть *наравненный слепец, теряющий остатки достоинства при встрече с дармовым электроприбором., он раб колеса*. Экспрессия грамматики Т. Толстой прежде всего, в оппозиции видовременных форм, способствующих движению смысла: есть прошлое, есть настоящее. А будет ли будущее? В рассказе «Квадрат» автор отвечает: *Выбор за нами*.

Изучение языка художественной литературы имеет сегодня первостепенное значение, поскольку художественное произведение качественно отличается от всех других искусств. Как указывает Л.А. Новиков, «это – явление психическое, наиболее гибкий и «подвижный» материал» [7, с. 7]. «Увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять... чужое сознание, его мир, то есть другой субъект (DU)... Понимание всегда в какой-то мере диалогично» [1, с. 306]. Поэтому интерпретация художественного текста – сложный процесс постижения авторского «я», раскрытие его содержательно-концептуальной информации, репрезентированной средствами языка. Именно художественный текст выступает одним из критериев отбора языковых единиц, речализующих представления определенной лингвокультурной общности, что очень важно при обучении филологов. Показать, как слово раздвигает границы семантического объема, а иногда полностью меняет его, можно только на примере художественного текста.

Культурологический и социальный аспекты, предполагающие совокупность знаний и навыков, обеспечивающих применение языка в целях общения, свидетельствует о коммуникативном совершенстве речи. Социальную значимость коммуникативной лингвистики (следовательно, и художественной литературы) хорошо определяет Г.В. Колшанский: «Лингвистика, изучающая речевую коммуникацию в обществе, становится не только наукой, имеющей свой внутренний смысл <...>, но и наукой, решающей задачи, связанные с повседневной деятельностью человека во всех сферах жизни, то есть практические задачи, нацеленные на обеспечение взаимопонимания между людьми. В этом плане коммуникативная лингвистика является одной из

важнейших социальных дисциплин, которая содействует жизни общества» [5, с. 174].

Ярким примером социализации грамматики может служить проза А. Платонова, «о которой с одинаковым успехом можно сказать, что она заводит русский язык в смысловый тупик или – что точнее – обнаруживает тупиковую философию в самом языке», например: («Котлован») *Петр Федорович ловил мух на солнечном припеке и лузил их в руках со счастьем удовлетворения своей жизни, не думая от забвения о чужом всаднике; Мама, а отчего ты умираешь – оттого что буржуйка или от смерти?* Платонов говорит о нации, «ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее – о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир и впавшем от него в грамматическую зависимость» [3]. Такой способ концептуализации мира, выраженный в форме языковой аномалии, – результат, «художественного» использования так называемой грамматики «абсурда», которая несет в себе большой заряд эстетической выразительности. Противоречия, возникающие между лексико-грамматической и ассоциативной семантикой в произведениях А. Платонова, не порождают, однако, бессмысленности высказывания, скорее наоборот, способствуют повышенной информативности аномальных языковых явлений, выступая как тексто- и стилеобразующий фактор художественного повествования. Интерпретация языковых аномалий А. Платонова – это свидетельство значительного потенциала языковой системы языка, способного расширять смысловой объем языковых единиц в художественно-прагматических целях.

Таким образом, повышение качества преподавания русского языка предполагает воспитание, прежде всего, читательской культуры. Невозможно привить почтение к слову, увидеть его потенциал, не воспитывая культуру чтения, которая у современной молодежи крайне низкая. Между тем именно читательская компетентность – залог высокой культуры потребления информации, в том числе и средствами современной техники. В противном случае компьютер становится только источником сомнительных развлечений и пустого времяпрепровождения.

Литература

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
2. Бендетович, Г.Б. Семантическая неопределенность слова как прагматическое явление / Г.Б. Бендетович // Стил. – 2007. – № 6. – Београд. – С. 303–309.
3. Бродский, И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова / И. Бродский. – Режим доступа: 1973. – http://lib.ru/BRODSKIJ/BR_platonov.txt.
4. Гальперин, И.Р. Информативность единиц языка / И.Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1974. – 172 с.
5. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
6. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 383 с.

7. Новиков, Л.А. Искусство слова / Л.А. Новиков. – М.: Педагогика, 1982. – 128 с.
8. Фатеева, Н.А. Современная русская «женская» проза / Н.А. Фатеева // Стил. – Бањалука-Београд, 2003. – № 2. – С. 349–361.

РЕПОЗИТОРИЈ БГПУ